

Юрий Дикий

Genius loci Святослава Рихтера

Светик Рихтер в Одессе

20 марта 2015 г. исполняется 100 лет со дня рождения великого пианиста XX столетия Святослава Рихтера (1915-1997).

«У всякой нации, во всяком искусстве можно найти свою долю лицемерия. Мир питается крупными истинами и большим количеством лжи. Немоощен ум человеческий: он плохо переносит правду в чистом виде; надо, чтобы религия, мораль, политика, чтобы поэты и художники подавали ему правду в шелухе лжи. Эта ложь подделывается под дух нации: она меняет свое обличье сообразно особенностям каждой из них: именно ложь так затрудняет взаимное понимание между народами, но зато взаимное презрение возникает легко и скоро»

Ромен Роллан. «Жан-Кристоф»

Монуменальность личности Святослава Рихтера, изваянная методом социалистического реализма и наделенная

полным набором рангов и наград СССР, продолжает довлеть в массовом сознании поколения, именуемого «уходящей натурой». Несмотря на появление фильма «Непокоренный Рихтер» Б. Монсенжона и публикацию рихтеровских дневников, значительно обогативших подлинные грани его жизни и творчества, несмотря на весьма впечатляющий перечень публикаций о С. Рихтере, значительно уточнивших факты его биографии, – Рихтер как личность был и остается загадкой, шарадой эпохи Советов.

Попытки большинства авторов изданий о С. Рихтере базироваться на его высказываниях, позициях, взглядах послевоенного периода, вне контекста фактов его довоенной биографии, нередко приводят к диаметрально противоположным выводам, запутывая и без того загадочный путь Мастера. Связь с городом его юности, которая несла в себе остросюжетную драматургию, к сожалению, пока не нашедшую своих драматургов неисчерпаемого по уникальности биографического материала, все еще продолжает пребывать в тени устоявшихся догм.

Круг художника

«Лишь немногим гениям под силу стряхнуть с себя... ложь, героически преодолеть кризисы, которые им приходится переживать в одиночестве, в вольном мире своей мысли».

Ромен Роллан. «Жан-Кристоф»

Мир Светика Рихтера в Одессе, далекий от суетной обыденности, впоследствии биографами упрощался и редактировался с заведомой логикой тоталитаризма. Этому способствовали и длительный рихтеровский «обет молчания», и весьма редкие, но противоречивые суждения.

«Ответственно говорю: что за явление Святослав Рихтер – не знает никто. И я в том числе. Слава был и закрытый человек, и открытый, и «открывался» он часто не дома, и не всегда понимал, кому можно что-то рассказать, а кому нельзя. Притом, что эти «открытия» могли быть, да и бывали сиюминутны. И через какое-то время по той же теме его мнение могло быть абсолютно

противоположным высказанному ранее. И это тоже было мнение Славы», – утверждал Дмитрий (Митя. – Ю. Д.) Дорлиак в брошюре «Мимолетности Святослава Рихтера».*

Ю. Башмет в своем интервью в Одессе, вспоминая встречи с Рихтером, говорил:

«У него (Рихтера) в день было 10 мнений эмоционально совершенно противоположных».

«Обо мне говорят и пишут такие небылицы, такую чушь, что я спрашиваю себя, кто мог все это выдумать», – жаловался С. Рихтер Б. Монсенжону.

«Он живет в другом измерении, – говорила рихтеровский секретарь и импресарио его последних лет Милена Борромео. – Маэстро хотел бы, чтобы Бруно (Монсенжон. – Ю. Д.) сделал его биографию», – вспоминала Милена, вероятно, потому, что мифологический остов рихтеровской биографии в эпоху сталинизма, как и в постсоветский период, был неоднозначен и для самого Рихтера.

Эта черта, подмеченная многими близкими ему людьми, возможно, и обусловила название книги Ю. Борисова «По направлению к Рихтеру», вызвавшей неоднозначную реакцию у его читателей, как и фильм Б. Монсенжона. Книга необычная для общепринятого биографического или мемуарного жанра, крупными мазками цитатного материала приоткрывающая нам Художника в процессе его интенсивной внутренней жизни. Книга, позволяющая приобщить читателя к странным и неожиданным фактам рихтеровского образа жизни, поступкам, суждениям, воспоминаниям, творческим коллизиям. Но это не пассивное ознакомление с откровениями или «чуждачествами» великого человека, а *напряженная попытка* заинтересованного читателя обнаружить Путь «по направлению к Рихтеру». Путь непростой и, возможно, даже драматичный для обеих сторон, двигаясь по которому, обнаруживает себя «сила воздействия» (закон Ньютона в его моральной интерпретации), рождавшая у Мастера внутренне спрятанную и порой прорывавшуюся «силу противодействия»**.

* Д. Дорлиак. «Мимолетности Святослава Рихтера». – М., 2005, с. 63-64.

** См. http://missiya.od.ua/publ/o_rikhtere/odessa_po_napravleniju_k_rikhteru/2-1-0-21

«По направлению к Рихтеру» более всего концентрировались силы (воли) ближайшего окружения и широкого круга соотечественников, категоричные требования властей в послевоенный период его оседлости в Москве и в результате получившие его своеобразный отклик.

Возможно, поэтому правомерен вопрос – в какой степени в *разные периоды* Одесса была «направлена» на понимание, интерес, осмысление и внимание к своему выдающемуся земляку по праву знаковой фигуры Одессы? В чем отличия времени его юности, зрелости от пост-

С. Рихтер (Р. Фальк)

советского периода, поскольку рихтеровское якобы «отречение» от города детства и юности продолжает доветь не только в обычном сознании, но и биографически культивироваться.

«Отречение» Рихтера от Одессы в своей главной мотивации – гибели отца Теофила Рихтера в застенках НКВД перед приходом немцев в 1941 году – не может объяснить факты тотального табу столь длительное время, биографического устранения первоначальной и важнейшей трети его творческого пути (*genius loci*) в родном городе. В этом «отречении» прорисовывается мощная антинаправленность различных сил (воль) к *genius loci* юности Мастера.

Весьма поверхностная «этническая» тема – «одессит ли Рихтер?», надуманная не столько по смыслу, сколь филистерски-провокационно, намеренно несет в себе противопоставление места рождения сложнейшим процессам начала его жизненного пути в Одессе.

«Святослав Рихтер – одессит, – пишет С. Хентова, – хотя родился он в Житомире, где прошло его раннее детство, о котором

он рассказывает с добрым чувством: «Раннее детство в Житомире – лучшее время».

Начальные фразы статьи Хентовой о Рихтере вызвали бурную перепалку участников на интернет-форуме.*

– Этот замечательный одессит сам всегда стеснялся тех вещей, которые у него выходят из-под пальцев.

– Замечу предыдущему оратору, что Рихтер никакой не одессит, хотя один раз я видел его напоминающим «одесского типа», но это было не на сцене (и уж, конечно, не в музыке), а в скверике перед консерваторией, он шел к служебному входу здания на свой концерт.

– Я все-таки не понял, почему вы определяете Рихтера как одессита? В каком смысле и насколько глубоко? И что в Рихтере как в явлении было такого, чему он обязан проживанием в Одессе? Хотелось бы узнать подробнее.

– Что такое *genius loci*... Почему Пушкин = москвич, а Рихтер = одессит. Ой, как много можно сказать... Причем про Пушкина-москвича гораздо проще, чем про Рихтера-одессита. Все ж попробую. Знаете, Одесса – город замечательных «обычных» жителей. И под словом «одессит» в норме понимается человек, который тащит на Привоз шаланды, полные кефали, в башмаках со страшным скрипом... Это не так, и каждый, кто был в Одессе, это знает. Одессит – это больше. Это житель портового города, который даже при Советах был отчасти порто-франко. Мама Гилельса в одесских двориках стояла *с палкой* над своим малолетним сыном, чтоб он правильно играл этюды Черни. Папа Рихтера с палкой не стоял – он работал в одесской опере (это на Дерибасовской, если вы в курсе (?)). – Ю. Д.) и приглашал сына подыграть вокалистам в бессмертных итальянских операх. Сын выучил все оперы наизусть – за это его хвалил Нейгауз-старший. Но сын остался одесситом – для него любая власть не всласть (папина тоже).

– Сие предложение – и не слишком удачное – в статье (Хентовой. – Ю. Д.) исполняет число формальную роль, этакая вводная фраза к излагаемой далее биографии, которая представляет собой пересказ знаменитой книги В. Чемберджи. Ну, надо же как-то начать, раз дальше пойдет хронология.

* <http://www.sviatoslavrichter.ru/forum/viewtopic.php?t=399>:

А Чемберджи на стр. 297 приводит следующие слова Рихтера: «В Москве мне сразу понравилось, вообще *все!* Дух (*рабский дух имперских амбиций, не иначе*), которого сейчас нет. Куранты. Они мне и раньше нравились, а тут особенно».

С тем же успехом можно было написать, что Рихтер – москвич, хотя родился в Житомире.

– А я бы присвоил Рихтеру звание москвича, и почетного, и обычного. В самом лучшем смысле слова.

– Разумеицца. Что касается официальных званий, то звание «Почетный гражданин Москвы» у него вроде было.

Разногласица обыденно-коллективного сознания социума «по направлению к Рихтеру» приправлялась сомнительными биографическими материалами, подтверждающими «общеизвестными фактами», что «Рихтер родился в Житомире в 1915 году и появился в Одессе только в «начале 20-х годов», что видно в большинстве изданных о Рихтере печатных материалов.

Между тем наши сомнения относительно детства Рихтера в Житомире до «начала 20-х годов» на попечении житомирских родственников, в отрыве от своих родителей, живших в Одессе с 1916 года, были обоснованными и родились из скупых рихтеровских высказываний. Поначалу очень туманных, но, тем не менее, говорящих, что он никак безвыездно не оставался в Житомире до семилетнего возраста.

«Вскоре после моего рождения, – вспоминал Рихтер в фильме, – отцу предложили занять должность преподавателя консерватории, и наша семья поселилась в Одессе. В течение двух лет мы жили и в Одессе, и в Житомире, где проводили лето».

«Вытеснение» одесских глав из рихтерианы на долгие годы нельзя считать «случайными», ибо они несли в себе «нешуточную опасность» режиму, которому гений Рихтера обязан был служить «верой и правдой».

«Я помню себя, конечно, в Одессе, на Нежинской улице. Мы поселились в одном доме с Лобчинскими. Я жил в Одессе до трех лет, – только на склоне лет вспоминал С. Т. <...> Помню, мы идем по Преображенской... Маленькая реформатская церковь, в доме на Херсонской улице, угол Преображенской. В этой реформатской

церкви работал органистом негласный соперник папы Гефельфингер», – проговаривается Рихтер в беседе.

В семейных традициях Рихтеров-Москалевых – особых людях и по воспитанию, и по происхождению, а главное – в проявлении чувств, все было гораздо сложнее и человечнее, судя по откликам одесситов, близких этой семье.

«Рихтеры жили в замкнутом мире, – читаем в воспоминаниях Виктора Вербицкого, с конца войны живущего в Мюнхене, друга детства Светика, – в который не допускались посторонние. И отец, и сын... были одиноки – и в Оперном, где они работали (Светик – концертмейстером), и среди коллег-пианистов, и педагогов... Скорее всего, молодой одессит, подававший большие надежды, так бы и остался гениальным самоучкой, и его постигла бы судьба многих наших земляков, которых «приспала» во сне шумная, любвеобильная, прагматичная Одесса-мама, более других любившая самых энергичных, шустрых, оборотистых, коммуникабельных, оптимистических (при несомненных талантах!) своих сыновей и дочерей»*.

Подверженные испытаниям – гражданской войной, эпидемиями, профессиональным и семейным долгом, друзьями и знакомыми, а впоследствии репрессиями, смертью, вынужденной эмиграцией, они были цельными и мужественными натурами. Готовность к самопожертвованию, вопреки усиливавшемуся вокруг них давлению, человеческому и идеологическому, пропорционально возраставшему отчуждению окружающих, особенно в профессиональной сфере, порождала сложную, напряженную атмосферу мира отрешенности, а вместе с тем и внутренней самодостаточности, чутко воспринимаемых молодым Светиком.

В воспоминаниях Виктора Диомидовича Вербицкого в цитируемой выше статье читаем:

«Светик и мама почти каждый день играли в четыре руки. И это было не рутинное музицирование, а каждый раз – яркое художественное событие. Особым успехом в наших семьях и у наших друзей пользовались концерты, к которым партнеры

* Т. Вербицкая, Ф. Кохрихт. «Столь долгое отсутствие». – В кн.: «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 12. http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_12/alm12_page23.htm

В семейном кругу за роялем Теофил Рихтер, рядом стоит Святослав
Фотография из семейного архива Татьяны Вербицкой

готовились особо. Они происходили либо у Рихтеров – в Лютеранском переулке, либо у нас – в доме на углу Греческой и Екатерининской».

«...Из воспоминаний Виктора и Натальи Сергеевны, дожившей до 1983 года, складывается картина если не пира во время чумы, то одесского варианта «Принцессы Турандот». Как и в послереволюционной Москве, в «жемчужине у моря», ставшей последним прибежищем чудом уцелевших и не сумевших покинуть Россию дворян, офицеров, научной и художественной интеллигенции, а то и богемы, вопреки свинцовым ужасам «посадок» и угнетающего быта, правил бал Карнавал».

Проникновение в «сглаженный» рихтеровский биографический материал упрощенных и искаженных сведений (по нашему убеждению – нередко умышленных) вопреки шекспировской драматургии его жизни вполне сопоставимо с идеологически-лозунговым контекстом отечественной эпохи первой трети XX века,

В четыре руки играют Наталья Вербицкая-Завалишина и Светик Рихтер
Фотография из архива семьи Татьяны Вербицкой

«усреднением» культуры (Н. Бухарин) и тотальным оглушением коллективного сознания. Понимал ли это сам С. Т., длительное время отмалчиваясь и оставаясь практически заложником «системы» и «подправок» своей биографии?

Может быть, поэтому обо всем этом говорилось им очень скупо, отрывочно, неохотно. Однако только в последние годы жизни Рихтер «разговорился», правда, не утрачивая и осторожности и особенно *недосказанности в главных драматургических узлах*, при выпуклых деталях воспоминаний своего раннего детства демонстрируя феноменальные возможности памяти. «Разговоривший» его Б. Монсенжон и некоторые его доверенные интервьюеры вытягивают из него сокровенно-ностальгические воспоминания, фрагментарно говорящие и о тоске, и о любви к городу детства и юности. Да и согласие на фильм Рихтер дал после увиденного им фильма Монсенжона – «Давид Ойстрах – народный артист?». Может быть, потому, что фильм, по тем временам явно антисоветский, был некоей реабилитацией для всего поколения великого музыканта, а потому в значительной мере оправдательным и для самого Рихтера?

Светик Рихтер с другом Виктором Вербицким и его матерью Натальей Вербицкой-Завалишиной
Фотография из архива семьи Виктора Вербицкого. Мюнхен

Стоит, однако, присмотреться к идейной жанровости фильмов об Ойстрахе и Рихтере, в основе которых обнаруживается *тональность исповедальности* – в первом случае звездного окружения Д.Ф. Ойстраха, а во втором самого С. Т.

От начальных бодрячески-триумфальных документальных кадров фильма «Давид Ойстрах – народных артист?» (название, говорящее о многом) – кремлевского триумфа социалистического реализма, «победившего западных исполнителей» и «покорившего весь мир»; сквозь вереницу исторических фактов, сюжетов, исполнительских фрагментов как «Затонувший собор» через искусство Д. Ф., постает эпоха в ее трагических и драматических оттенках.

Не это ли кольнуло С. Т. и обнаружилось в тональности рихтеровского фильма? Да и переводы названия фильма – «Загадка Рихтера» или «Тайна Рихтера», откристаллизовавшаяся в «Непокоренный Рихтер», уж очень противоречат *привычной*

усредненному советскому человеку высеченной монументальности в описаниях его выдающихся соотечественников*.

Критика фильма в московских авторитетных кругах аргументируется на иррационально сохраненном отечественном монументально-осветленном образе Художника, который, по их мнению, не мог подвести итог своей жизни – «недовольства собой»!

Об этом поведали мне в интервью Ю. Башмет в Одессе и В. Прохорова в Москве.

Читаем в ее статье «Он был всецело в жизни...»:

«А теперь я бы хотела остановиться на фильме Бруно Монсенжона «Рихтер, непокоренный». Для меня и тех людей, которые любили Святослава, ясно, что в этом фильме он предстает совершенно натуралистично. (...) Фильм показывает его в состоянии глубокой депрессии. (...) Фильм в целом дает образ недоброжелательного человека, раздавленного жизнью, который смотрит на эту жизнь, на людей, на свой талант. Ни удовлетворения, ни радости...»**

Читателю самому избирать соответствие глубинным идеям роллановского «Жан-Кристофа», «Творчества» Золя, драйзеровского «Гения», романов Манна, Пруста, Гессе, etc. Или предпочесть «соцсветлый ракурс» отечественных повествований.

«Последние дни жизни подтверждают, – утверждает В. Прохорова, очень близкий С. Т. человек, по его признанию, – что ника-

* В порядке небольшого отклонения достаточно напомнить недавнюю историю монумента Давиду Ойстраху, импортированного из Киева в Одессу. Реликтово-советский стиль памятника, композиция, материал (бронза) и масштаб которого возмутили одесситов, тонко ощущающих субстанцию между обывательщиной и подлинными художественными ценностями.

** «Вспоминая Святослава Рихтера». – Москва: Константа, 2000.

Вспоминается рассказанный в Москве известным философом-эстетиком Юрием Борисовичем Боровым (1978) анекдот о Тамерлане (Тимуре) и живописцах, призванных написать его портрет:

«Первый написал портрет Тимура «натуралистично» с его хромотой и одним глазом, за что поплатился жизнью, – так погиб реализм. Второй (зная о неудаче предшественника) написал Тимура красавцем и поплатился жизнью – так погиб романтизм. Третий посадил Тимура на лошадь, дабы не видна была хромота, и развернул в такой ракурс, чтобы на портрете не была видна слепота на один глаз. Так родились предпосылки социалистического реализма и его монументальности».

кая бесконечная ночь, никакая депрессия, длившаяся месяцы или годы, не могла погасить того лучезарного света, который всегда в нем горел и будет гореть вечно».

Но разве многообразие «направлений» мировой культуры к Рихтеру не является ценнейшим вкладом в огранку понимания его личности?

Безусловно, смерть отца была для Рихтера ударом, сформировавшим его негативное, а затем и официально оформленное «отношение» к городу детства и юности.

«Обида» Рихтера накапливалась едва ли не два десятилетия и имела свою первоначальную мотивацию: и отношение «консерваторских коллег к отцу», и «интриги» в свой адрес в оперном театре (который он любил и ценил), в филармонии, в местной среде, ориентированной на внешний успех. Здесь и даты говорят сами за себя, ибо это время хронологически отражено в фильме сюжетами самого Рихтера. Только если подробно анализировать весь материал, обнаруживаются скрытые и весьма важные причинно-следственные процессы «по обоим направлениям». С одной стороны, Одессы и к молодому Рихтеру, и его семье, где социум обнаруживал свои весьма пестрые, если не сказать уродливые формы. А с другой стороны – субъективное, личное отношение к действительности этой выдающейся семьи.

Безусловно, много фактов говорит о «неконтактности», «застенчивости» подростка Светика. Его нелюбовь к школе, где приходилось учиться, вспоминала Н.Л. Суходольская (подруга матери): «У него не было в школе не только друзей – даже своей, как говорят дети, компании. Он был одиноким и, наверное, поэтому сказал, что ненавидит школу»***.

Но это в немецкой школе при кирхе. А друзья все-таки были, среди которых и сверстники, и гораздо более взрослые, практически не упоминаемые в официальных биографиях, что вовсе не означает, что они отсутствовали. Увы, вопреки фактам создавался упрощенный образ «замкнутого одинокого Светика». Этим устоявшимся в послевоенный период стандартным мотивам противостоит разнообразие материалов воспоминаний,

*** Цит. по кн.: В. Максименко. Святослав Рихтер: страницы одесские и не только. – Одесса, 2003, с. 59.

появившихся гораздо позже, «одесского круга» поклонников Рихтера, сохранявшегося в устной традиции одесситов.

Опубликованные дневники В.А. Швеца, а также статья «Теофил и Святослав Рихтеры» в бесценном пятитомнике В. Смирнова «Реквием XX века», как и его другие публикации о рихтеровской семье, а также книга В.С. Максименко «Святослав Рихтер: страницы одесские и не только», приоткрыли к концу XX – началу XXI веков завесу биографических «запасников», существенно меняющих монументалистски-обронзовевший облик музыканта, сегодня начинающего обретать живые человеческие черты.

Необходимо отдать должное профессору В.С. Максименко, собравшему уникальную коллекцию воспоминаний той части одесситов, современников С.Т. Рихтера в одесский период его формирования, которые поделились своими представлениями и оценками, существенно отличавшимися от общепринятых. Можно даже предположить, что критические суждения по адресу книги В.С. Максименко обусловлены общеидеологическими «устоями» в подходах, столь несходных с реальным разнообразием описываемой действительности.

Консерваторский круг

«Кристоф не жалел язвительных слов, говоря о жрецах консерваторий... не щадил «чучельников», как он величал их...»

Ромен Роллан. «Жан-Кристоф»

«К папе в Одессе относились враждебно, постоянно унижали, возможно, за то, что был превосходным пианистом и выступал иногда с сольными концертами. Другие профессора консерватории не могли этого пережить, они ему завидовали. Папа просто задыхался. Кончилось тем, что его выставили из консерватории», – вспоминал С. Т.

Консерваторская и оперно-театральная история отца и сына отражают предвзятую оценку потенциала их дарований «музыкально-законодательной» Одессой. Музыкально-эстетические идеалы европейца Теофила и широкие художественные устрем-

ления молодого Святослава, далекие от местных «законодательных» шаблонов («узко понимаемого профессионализма», в терминологии Б. Яворского), были свернуты, «сжаты» в ограниченно-семейный круг самовыражения. Исключением стало немецкое консульство в Одессе, где оба музыканта получили столь важную и необходимую им соответствующую оценку.

Весьма равнодушная атмосфера вокруг единственного сольного концерта Святослава в 1934 году с шопеновской программой, критически им описанного в дневниках, оставила также весьма заметный след в формировании его отношения к одесским музыкальным «законодателям».

«...Завершился концерт Четвертой балладой, действительно удавшейся мне, и я повторил на бис Четвертый этюд опуса 10. Тоже недурно. (...) По статьям, освещавшим музыкальную жизнь Одессы, я знал некоего Апфельцвайга, печатавшегося под псевдонимом «Ларго». Мне сообщили, что он написал обо мне хвалебную статью, но когда я осведомился, где ее можно найти, обнаружилось, что он вообще никакой статьи не писал. Такова Одесса!» – вывод девятнадцатилетнего Рихтера.*

Эстетический диссонанс «заката культуры» начала XX века у философов А. Швейцера и О. Шпенглера, музыкантов Ф. Бузони и молодого Г. Нейгауза обрел свое место и в Одессе.

«Кристоф... понимал опасные соблазны виртуозности: чисто физическое наслаждение, наслаждение ловкостью, быстротой, мускульным напряжением, радость ослеплять, покорять силой своей личности тысячеголовую толпу; радость вполне простительную, у молодого человека почти естественную, и тем не менее пагубную и для искусства и для души», – читаем у Р. Роллана.

Международный успех молодых одесситов – пианистов и скрипачей – нового поколения исполнителей в довоенный период, появившаяся в Одессе лауреатомания не приветствовались эстетическими идеалами отца и сына Рихтеров, склонных к профессиональной аскезе и находящих отклик у Г. Нейгауза.

* Спустя три года, в 1937 г., блестящим исполнением Четвертой баллады Шопена абитуриент Рихтер «свалил со стула» сидящего в приемной комиссии изумленного К.Н. Игумнова.

На наш взгляд, именно здесь скрыт *важнейший проблемный материал как для современной истории и теории фортепианного исполнительства, так и для рихтеровских биографов.*

Здесь обнаруживается «серебряная нить» эстетики музыки европейской профессиональной традиции со времен И.С. Баха и до наших дней через фигуры Г.Г. Нейгауза и С.Т. Рихтера, что, увы, не рассматривают и не анализируют музыковеды. (Но об этом – в отдельном случае и месте.)

Длительно накапливаемый сгусток противоречий, бродивших у юного Рихтера, вряд ли может быть отброшен за скобки, а им впоследствии объяснен скупой фразой – об опасности призыва в армию и необходимости срочного отъезда в Москву 1937 года. Да и могло ли быть спасением такое «бегство» из одного города в другой?

Попытки сгладить накапливавшиеся противоречия делала его мать А.П. Москалева.

«Мама была блестящая женщина и очень светская, даже слишком. В то время она «шла в ногу со временем», живо интересовалась событиями... и это вызывало у меня отрицательную

Рихтер и Нейгауз

реакцию. Наверное, именно здесь кроется причина моего полного отвращения к такого рода вещам», – изъяснялся С. Рихтер.

Приезд в Одессу Генриха Нейгауза, его выступления и открытые уроки (мастер-классы) в консерватории стали для европейца Теофила и молодого Светика спасительным катарсисом в клубке накопившихся противоречий.

Профессор Людмила Наумовна Гинзбург часто вспоминала встречу с Теофилом на Соборной площади Одессы вскоре после нейгаузовского довоенного урока в консерватории с ее участием. Теофил Данилович со свойственным ему венским акцентом сказал: – Пошлю-ка я учиться Светика к Нойгаузу в Москву!

Да и сама Л.Н. Гинзбург была заражена идеей немедленного переезда из Одессы в Москву к Нейгаузу, ибо, как часто впоследствии она любила повторять о своем великом учителе, контрастом одесской фортепианной педагогики – «это совсем другое!» .

На «совсем другое» в музыке были изначально ориентированы учитель Нейгауз и ученик Рихтер по «направлению к друг другу» – ставшему притчей во языцех у некоторых музыкантов.

Разительный контраст в оценках одесской профессурой молодого Рихтера и Г. Нейгауза («по-моему, он гениален») – факт неоспоримый.

Как бы ни причитали десятилетиями музыкальные «законодатели» (термин Ф. Бузони), параллельно «жрецам» и «чучельникам» (Р. Роллана) Одессы и Москвы, именно качественное различие и разнообразие музыкально-профессиональных консерваторских сообществ оказалось спасительным для молодого музыканта, не признанного в провинциальной Одессе.

При всем этом были в Одессе заповедные семейные уголки, где одаренность рихтеровской семьи принималась как неоспоримый факт, а их талант горячо приветствовался.

Мнение Г. Нейгауза относительно дарования С. Рихтера в Одессе разделяли достаточно известные личности, в частности, В.П. Филатов, оказавший финансовую поддержку молодому музыканту в момент его отъезда в Москву.

Воспоминания Ады Иосифовны Садомской – выпускницы Харьковской консерватории в предвоенные годы, а впоследствии заведующей вокальным отделом Одесского

музыкального училища в конце прошлого столетия – еще один любопытный факт...

Председателем Государственной выпускной комиссии в Харькове был Г.Г. Нейгауз, которого на встрече со студентами спросили, кого бы он отметил из наиболее одаренных молодых пианистов той поры. В ответе прозвучали два имени – Якова Флиера (выпускника класса и аспирантуры К.Н. Игумнова в 1937 г.), уже признанного в то время исполнителя, лауреата первой премии международного конкурса в Вене (1936), опередившего Э. Гилельса, и третьей премии конкурса Э. Изай в Брюсселе, где Э. Гилельс получил первую премию; и неизвестного студента – С. Рихтера, не обладавшего ни признанием, ни лауреатскими регалиями.

Эту историю А.И. Садовая рассказала Теофилу Рихтеру, который при каждой встрече с ней просил ее наново повторять. Как раз в это время профессура консерватории интригами низвела Т. Рихтера до уровня преподавателя общего фортепиано музучилища.

С. Рихтера, бывшего свидетелем травли отца, это и возмущало, несмотря на то, что Рихтер в фильме Монсенжона говорит, что в студенческие годы «постоянно жил в Москве». В воспоминаниях одесситов, в частности профессоров Л.Н. Гинзбург и Т.С. Сидоренко-Малюковой, друживших и знавших С. Т., говорится о неоднократных побегах Рихтера из Москвы (часто после очередной несдачи экзамена) и телеграммах Г.Г. Нейгауза, спасавших своего ученика от исключения из консерватории за неуспеваемость. Да и сам Рихтер писал в дневниках, что выучил Шестую сонату С. Прокофьева летом на каникулах, а его Пятый концерт был подготовлен в зимней Одессе. Близких семье Рихтеров людей в Одессе было достаточно, они знали и ценили их дом, несмотря на смутные времена 30-х, умели нестандартно общаться.

Духовные оазисы Рихтером никогда не забывались и искренне ценились...

Продолжение следует

